

АКАДЕМИЯ НАУК РОССИИ
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
академика Российской Академии наук
М. Н. БОГОЛЮБОВА

Вып. XXIX
БОРИС ИВАНОВИЧ ПАНКРАТОВ
МОНГОЛИСТИКА. СИНОЛОГИЯ. БУДДОЛОГИЯ

ЦЕНТР «ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»
1998

Ю. Л. Кроль

ПЕКИНСКИЕ ПОГОВОРКИ СЕХОУОУЙ В СОБРАНИИ Б. И. ПАНКРАТОВА

В разговорном языке китайцы употребляют особые устойчивые выражения, которые называются *сехоуоу* (1). Это — явление фольклора, в то же время, как и пословицы, относящиеся к фразеологии. Сехоуоу — шутки, которые делают речь живой, образной и остроумной. Кроме народных сехоуоу, существуют авторские; так, по народным образцам их сочиняли актеры для своих выступлений с подмостков. Не позже чем во времена династий Юань и Мин сехоуоу проникли в литературу: они встречаются в юаньской драме и тех местах классических романов, где прямая речь героев стилизована под разговорный язык. Наконец, сехоуоу дают темы для новогодних лубочных картинок, иллюстрирующих эти речения.

По наблюдениям Б. И. Панкратова, сехоуоу в основном образуются таким образом. Вместо того, чтобы просто употребить какое-нибудь слово или словосочетание, нужное по ходу речи, говорящий решает выразиться более ярко, сострить: с этой целью он придумывает и присоединяет с п е р е д и к данному слову или сочетанию — «второй части» — некую «первую часть». Получается двучленное речение, которое употребляется в разговоре в значении своей второй части; это значение связано с первой частью по смыслу или при помощи игры слов. Например, вместо того, чтобы сказать «наелся», «поел, так уж поел» (*и²-дунь⁴ ши⁴ и²-дунь⁴*), говорят: «Я — мачеха, которая бьет ребенка: выплет разок, так уже действительно выплет (*и²-дунь⁴ ши⁴ и²-дунь⁴*)»; счетное слово *дунь⁴* («раз») применяется и к глаголу «есть», и к глаголу «бить», поэтому *и²-дунь⁴ ши⁴ и²-дунь⁴* («уж это разок, так разок») в зависимости от контекста значит «поел, так уже поел» и «побил, так уж побил» (см. № 237; [2, с. 197]). Другой пример: вместо того, чтобы сказать про игрока «пока не проиграется, не уйдет» (*бу⁴-гань¹ бу⁴-цзоу¹*), говорят, что «он на берегу реки стирает штаны: пока не высохнут, не уйдет» — *гань¹* значит и «высохнуть», и «остаться без денег», в данном случае «проиграться» (см. № 201).

Первая часть сехоуоу связана со второй как субъект с предикатом. В ней общается об отдельном случае, к которому применимо высказывание второй части. Она всегда содержит конкретное сообщение, которое в большинстве случаев вызывает образное представление.

Нередко вторая часть в разговоре пропускается, и в таком случае ее должен домыслить слушатель. Отсюда и название сехоуоу — дословно «речения с недосказанной последней частью». Однако недосказ второй части не является общим свойством сехоуоу, ибо многие из них употребляются только целиком. Есть у этих речений и другие названия: «речения, содержащие сравнение и пояснение» (*бицзюй* (2)), «остроты» (*цяопихуа* (3)) и т. п.

По наблюдениям Б. И. Панкратова, вторая часть сехоуоу обычно представляет собой фразеологическую единицу (или ее модификацию), которая употребляется в разговорном языке также вполне самостоятельно. Добавлю, что вторая часть может быть общеупотребительным тропом, бытовым термином, ругательством, чаньюем, сентенцией, включающей одно-два предложения, и т. п., но может быть и просто словом (иногда с отрицанием) или составным образованием (типа

сложных числительных). При этом она обязательно выступает в речи в роли «семантического слова» (термин Б. Томашевского), как неделимое смысловое целое. Последнее и определяет значение сехоуой.

У слова различаются контекстуальные значения, которых у него много в разных контекстах, и одно или несколько лексических значений в словаре, которые суть обобщения индивидуальных контекстуальных значений. Точно так же вторая часть сехоуой (а следовательно, и все изречение в целом) имеет ряд контекстуальных значений в разных контекстах и одно, а иногда и несколько лексических значений, если сехоуой рассматривается вне контекста. Контекстуальные значения второй части сехоуой дают разные оттенки ее основного значения.

Кроме общего контекста речи (или ситуации), в которой употреблено сехоуой, его вторая часть введена еще в один контекст — во «внутренний» контекст речения. Процесс образования сехоуой и есть процесс помещения его второй части в этот «внутренний» контекст. Таким образом, в речи вторая часть сехоуой заключена одновременно в два контекста и, следовательно, имеет два контекстуальных значения. При этом «внутренний» контекст сехоуой не меняется от одного случая употребления данного речения к другому, тогда как общий контекст меняется. Поэтому в неизменном «внутреннем» контексте сехоуой контекстуальное значение его второй части тоже неизменно, а в общем контексте речи контекстуальное значение сехоуой меняется от случая к случаю.

Есть разные классификации сехоуой. В основу своей я положил изучение результатов воздействий, которые оба эти контекста оказывают на смысл второй части. В итоге выкристаллизовались два больших класса сехоуой, не вполне совпадающие с теми, что выделяли другие ученые. Первый класс включает сехоуой, у которых лексическое значение второй части остается тем же в обоих контекстах, а различаются лишь оттенки этого значения и (иногда) интонации второй части. Второй класс включает подавляющее число сехоуой, а именно те, у которых вторая часть не сохраняет в обоих контекстах одного и того же лексического значения; здесь имеет место игра слов, источник которой — их многозначность, «разрушение фразеологии» и омонимия [см. 1; 2; 13].

Вторая часть сехоуой живет «двойной» жизнью, имея сразу два оттенка одного значения, две эмоциональные окраски, две разные интонации или два разных значения. Эту «двойную» жизнь обеспечивают два контекста сехоуой, включая образованный при помощи его первой части. При этом первая часть одновременно является членом сравнения, в создании которого участвует сехоуой.

Вторая часть сехоуой выступает сразу в двух контекстах. Один из них — это общий контекст речи, в котором дается указание на то, что мы сравниваем (первый член сравнения, X). Другой контекст образован при помощи первой части сехоуой, где сообщается о том, с чем мы сравниваем (второй член сравнения, Y). Вторая часть сехоуой одновременно относится и к тому, что сравниваем, и к тому, с чем сравниваем; это словесная мотивировка сравнения (Z). Когда используются речения первого класса, она мотивирует сопоставление тем, что к обоим членам сравнения применимо то же слово или выражение в одном лексическом значении. Когда используются сехоуой второго класса, она мотивирует сопоставление тем, что также с виду применяет к обоим членам сравнения одно и то же слово или выражение, но на поверку оказывается, что этих слов (выражений) два. В этом случае с помощью игры слов создается видимость настоящей мотивировки.

Таким образом, сехоуой введены в текст как устойчивые элементы словесно мотивированного сравнения и могут быть обозначены Y + Z, т. е. второй член сравнения и словесная мотивировка сравнения. Формула использования сехоуой в общем контексте речи (т. е. полного сравнения) — это «X есть (подобен) Y, так как о них обоих сказано Z». При этом X есть нечто изменяющееся от контекста к контексту, а Y — нечто неизменное. Z неизменен фонетически; контекстуальное же его значение неизменно только в устойчивом контексте сехоуой (Y) и меняется в общем контексте речи от случая к случаю (X). Смысловая разница между Z¹ и Z² колеблется от двух разных оттенков одного лексического значения до двух разных лексических значений.

Первая часть сехоуой как член сравнения обладает известной смысловой цельностью и законченностью и при произнесении отделяется от второй небольшой паузой. Построить сравнение можно и без словесной мотивировки, поэтому вторая часть может быть опущена. Но без знания словесной мотивировки сравнение, образованное при помощи первой части сехоуой, непонятно. Поэтому недосказ сехоуой обязательно предполагает знание второй части слушателем. Точно так же может быть недосказано всякое известное слушателю устойчивое речение.

В серьезном словесно мотивированном сравнении два явления или понятия сопоставлены на основании черт сходства. Задача второй части таких сравнений — указать на эти черты. Но сехоуой — это шутки, остроты. Дело в том, что форма словесно мотивированного сравнения дает возможность применить несколько приемов, обслуживающих остроумие и создающих комизм. Формула «X есть (подобен) Y, так как о них сказано Z» означает, что при сравнении могут оказаться рядом и прийти во взаимодействие две подчас очень далекие и несходные друг с другом мысли. Эта структура может служить для построения остроумных, иронических, комических («принижающих») и абсурдных сравнений.

Первая часть сехоуой (Y) представляет собой непрямоe изображение того, о чем говорится в общем контексте речи (X). Особенно охотно в сехоуой применяется изображение, нарочито заостренное, утрированное, гротескное, окрашивающее предмет сравнения в комические тона. В этих случаях перед нами — вызывающая смех аналогия. В первой части таких сехоуой сообщается о каком-либо странном действии или ситуации, необычность которых обусловлена неким несоответствием (иногда имеющим характер антитезы) между участвующими в нем предметами или живыми существами, между действием и его орудием или объектом и т. д. Для многих сехоуой этого рода характерны гротескное использование преувеличения и фантастики. Здесь встречаются образы мыши, которая лижет нос кошке; свиньи (Чжу-ба-цзе), которая торгует едой из свинины; курицы, которая сидит на утиных яйцах; человека, который отдал в починку совершенно новые туфли; бедняка, попрошайничающего в ночлежке для нищих; хорька, у которого родился мышонок, и т. п. Сехоуой отличает игра фантазии.

В сехоуой часто применяются такие приемы, как намек или изображение при помощи детали.

Существенным, хотя и вспомогательным приемом остроумия является актуальность сехоуой. Благодаря намеку сехоуой (как и другие остроты) связаны с массой злободневных интересов человека. По мере того, как тот или другой интерес пропадает, одни сехоуой, где упоминаются уже забытые имена и события, выходят из употребления, а на смену им приходят другие, более актуальные сехоуой. В числе сехоуой, переведенных в 20—30-е гг. Б. И. Панкратовым, есть такие, которые и тогда помнили и понимали только старики. Здесь фигурируют купец Хай Чжанью, в последней четверти прошлого века торговавший солью в Тяньцзине; «дурачок Чжан», в начале нашего века исполнявший песни в публичных домах этого города; актер Хао из театральной труппы «Чуньтай», игравший при предпоследнем императоре Маньчжурской династии; вор Чжао-второй, промышленник между Пекином и Тяньцзином в конце XIX в., и др.

Пользуясь намеком как путеводителем, мы попадаем в мир, из которого сехоуой черпают свои излюбленные темы и образы. Это, в сущности, мир пекинца определенного времени, включающий в себя быт в широком смысле слова, начиная от народной религии с ее богами и праздниками и кончая кухней, а также нравы и обычаи, поверья, характерные представления о действительности, отношение к отдельным людям, к разным социальным группам, человеческие стереотипы в сознании горожан, такие, как мужик-деревенщина, слепец, «барич», барышня, сестры, буддийские монахи, уличные продавцы, старьевщики, чинильщики посуды, стереотипные фигуры китайской истории и т. п.; это круг городских развлечений, театр, кино, народная литература с их персонажами Чжу-ба-цзе, Сунь Укуном, Чжан Фэем, Бао-гуном и другими, а также облик города, его улицы, ворота, лавки, магазины, харчевни, монастыри, арки, башни, базары, транспортные

средства. В этом мире традиционное соседствует с новым, герои старых романов и уличных представлений встречаются с Чарли Чаплином.

Нередко сехоуой образуют циклы, «нанизанные» на тот или иной стереотип сознания горожан, будь то герой романа «Си ю цзи» Чжу-ба-цзе или впервые приехавший в Пекин деревенщина. Этим речениям свойственна тенденция к образованию клише, характерная для фольклора, здесь повторяются не только образы, но и приемы остроумия и комизма, а также словесные блоки; в результате некоторые сехоуой имеют одинаковую первую или одинаковую вторую часть. Среди сехоуой есть и безобидные, и тенденциозные остроты; к последней относятся, например, все выражения, вторая часть которых выступает в общем контексте речи как ругательство. Тенденциозность сехоуой — мощный источник их остроумия.

Сехоуой простонародны, они несут на себе печать вкусов «улицы», ее чувства юмора. Для них характерно широкое использование «образов материально-телесного низа» (по выражению М. М. Бахтина), сексуальной тематики, непристойностей.

Форма словесно-мотивированного сравнения и ее использование в целях остроумия хорошо известны и в России, и на Западе; то же можно сказать и о древнем Китае. Но в китайских и европейских остротах этого типа, если они относятся к фразеологии, первый член сравнения, как правило, бывает включен в систему устойчивого выражения, фразеологически единого речения. Это «полные» сравнения. В сехоуой же первый член сравнения (X) остается за бортом фразеологической единицы вместе с общим контекстом речи, в плоскости которого он лежит, и меняется вместе с этим контекстом. Сехоуой — это устойчивые заготовки для полных сравнений.

Б. И. Панкратов сближал сехоуой с поговорками. У этого мнения есть серьезные основания. Сехоуой, как и русские поговорки, употребляются «к слову», служат способом «остранения» отдельного слова, ходячего выражения, а то и целой сентенции; они также являются способом выражения, сдобривают и оживляют речь. Но, добавлю, будучи остротами, они направлены не только на слово, но и на предмет речи и выражают особое, «смеховое» отношение говорящего к действительности, следовательно — ее особое художественное видение.

Сближая сехоуой с поговорками — явлением, выделенным на русском материале, Б. И. Панкратов указал и на русское речение, представляющее собой близкую аналогию сехоуой. Это — выражение «собака на сене: сама не ест и другим не дает», которое используется для построения словесно мотивированного сравнения. Кстати сказать, его вторая часть в речи тоже часто опускается.

* * *

Б. И. Панкратову принадлежат слова: «Каждый, кто занимается сборником диалектических материалов, естественно начинает записывать местный фольклор...» Именно интерес к пекинскому диалекту привел его, примерно в середине 20-х гг., к сборанию пекинских сехоуой. Его работа по сборанию поговорок вылилась в составление картотеки сехоуой, насчитывающей 2328 карточек [см. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 20]. Все карточки имеют номера (нередко зачеркнутые и измененные), но расставлены они не по номерам. Хотя это карточки, переписанные китаецем, иногда снабженные заметками на китайском языке и не транскрибированные ни средствами латинского, ни средствами русского алфавита (кроме отдельных, на которых написана русская транскрипция первого иероглифа), они расставлены по фонетическому принципу — по латинскому алфавиту, как если бы они имели английскую транскрипцию. Некоторые из них помечены косыми крестиками и/или кружочками, а иногда номерами и т. п., написанными красной (точнее, розовой) тушью. О существовании этой картотеки известно со слов Ф. Вел-

лера, видевшего ее в марте-апреле 1933 г. и писавшего о желательности публикации «собрания пекинских пословиц», имеющегося у Б. И. Панкратава [см. 22, с. 658—659]. В письме ко мне от 1967 г. В. Эберхард вспоминал: «Когда я был в Пекине в 1934/5 гг., я собирал се-хоу-юй и хотел их изучать, но потом я узнал, что их... собирает какой-то русский ученый... это, должно быть, был профессор Панкратов».

Кроме картотеки сохранился еще ряд рукописных материалов — тетрадка, содержащая 263 нумерованных и 24 нenumерованных сехоуой, из которых многие помечены кружочками красной туши (на тетрадке же написано по-китайски, что все речения, помеченные кружочками, это повторения); записи еще 599 сехоуой на отдельных листах (напоминающих несшитую тетрадь), часть речений — с пометами красной тушью; записи еще 134 пословиц и поговорок (в том числе и сехоуой); а также пачка черновых записей сехоуой с пометами красной тушью, на которой есть надпись, что все это «переписано» [см. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 18]. Кроме того, сохранилась рукописная тетрадка с китайским названием «Переделанные объяснения и мотивировки [употребления] шуточных речений» (*Бьяньгэнь сенюэюй цзешу лию* (4)) [см. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 19], на которой рукой Б. И. Панкратава написано: «Се-хоу-юй, пояснения» (далее я буду для краткости называть ее «Пояснения»); ее листы не нумерованы; она содержит объяснения значений или описания случаев употребления 1278 сехоуой.

Помимо того, что Б. И. Панкратов сам собирал сехоуой, он стремился получить в свое распоряжение также коллекции, составленные другими. Одна такая анонимная рукописная коллекция конца XIX или начала XX в. содержится в четырех альбомах китайских народных картин, рисованных от руки и являющихся цветными иллюстрациями к сехоуой; всего картин 261, написанных на них поговорок столько же. Судя по косвенным данным, Б. И. Панкратов получил этот альбом в собственность в 20-х гг.; в октябре 1948 г. альбом был приобретен ИВ АН СССР у его жены [см. ПФА, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 988, л. 13] и в настоящее время хранится в Рукописном отделе С.-Петербургского филиала Института востоковедения РАН (шифр X-163). Другая рукописная подборка сехоуой, имевшаяся у Б. И. Панкратава, восходит к его консультанту по пекинскому фольклору Чжан Хаожу. В Архиве востоковедов есть картотека сехоуой, в начале которой рукой Б. И. Панкратава написано: «Из коллекции, собранной Чжаном 328»; на деле в ней 321 карточка с текстами сехоуой [см. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 24].

Очень важным источником получения сехоуой были для Б. И. Панкратава публикации этих поговорок. Об использованных им китайских публикациях типа текстов на новогодних лубках можно только гадать. Возможно, к 20—30-м гг. относится изданная без указания года пекинским книгоиздательством Чжунхуа брошюра «Большое обозрение острот» («Цяопихуа да гуань») [см. 11], содержащая 256 поговорок со множеством рукописных поправок и дополнений Б. И. Панкратава; она хранится у меня. Но самой важной доступной ему публикацией сехоуой была книга «Исследование китайских шуточных речений» («Чжина сенюэюй яньцзю»), составленная японским ученым, чья фамилия читается Кёно или Кавано, а имя — Цүити или Митикадзу (наиболее вероятное чтение Кёно Цүити), вышедшая в Пекине в 1925 г. и содержащая 1279 поговорок с пояснениями и примерами. О важности этого собрания для изучения и сехоуой, и пекинского диалекта свидетельствует то, что Чэнь Цзыши, главный составитель «Словаря бэйпинских шуточных речений с [недосказанной] последней частью» («Бэйпин сехоуой цыдянь») включил в свой словарь 1969 г. [см. 12] почти все материалы из книги Кёно Цүити, в том числе и поговорки, и примеры, и примечания к ним, с очень незначительными изменениями.

Б. И. Панкратов высоко оценил «японскую книгу», содержащую основное ядро пекинских сехоуой того времени. Эти 1279 речений вошли в его картотеку. В его бумагах сохранилось написанное его рукой пояснение к условным знакам, применявшимся им при работе над текстами сехоуой: «1) без всякой пометы — японская книга, 2) со знаком × — из собранных мною соответствий японской

книге, 3) знак о = не имеется в японской книге, а только у меня...» [АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 24]. Можно предположить, что косые крестики и кружочки на карточках его картотеки сехоуэй и есть указания на то, какие поговорки представляют собой соответствия опубликованным Кōно Цүити, а какие у последнего отсутствуют.

Видимо, еще до ознакомления с «японской книгой» Б. И. Панкратов начал работу по транскрибированию и переводу отдельных частей своей коллекции. В Архиве востоковедов сохранилась русская транскрипция 78 сехоуэй (без указания тонов), выполненная Б. И. Панкратовым, и его полные или частичные переводы 17 из них [см. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 18]. Среди переданных им мне материалов есть небольшой пакет с надписью «транскрипция сехоуэй», в котором хранится пачка листов с транскрипцией 47 сехоуэй (из них лишь 4 снабжены обозначениями тонов, переводами и объяснениями), а также большой пакет с транскрипцией, переводами и объяснениями смысла 261 сехоуэй с народных картин из четырех альбомов. Последняя работа была выполнена Б. И. Панкратовым до знакомства с «японской книгой»: лишь на некоторых повторных, записанных черным карандашом переводах, приложенных к переводу 261 сехоуэй из альбомов, помечено другим, красным карандашом, что в «японской книге» есть такие же или похожие поговорки (Б. И. Панкратов отметил 33 случая, на деле их больше). При переводе сехоуэй из альбомов он пользовался устными консультациями китайцев, чьи фамилии изредка упоминал в своих заметках; их звали Цзинь, Шу и Чжао (см. его переводы из альбомов №№ 65, 85, 147, 241). Быть может, со слов кого-то из них он записал также очень подробные объяснения 46 сехоуэй из альбомов (в том числе поговорок, которые есть в книге Кōно Цүити); эти объяснения также хранятся у меня.

После ознакомления с «японской книгой» (т. е. не раньше 1925 г.) у Б. И. Панкратова возникла мысль издать большое собрание пекинских сехоуэй, снабженных транскрипцией с указанием тонов, переводами и пояснениями. В письме В. М. Алексееву от 6.XII.1927 он об этом еще ничего не писал, упоминая лишь о собирании поговорок; может быть, и плана такого тогда еще не было. По замыслу Б. И. Панкратова, перевести и издать следовало самые употребительные сехоуэй. Видимо, поэтому он решил положить в основу своей работы коллекцию Кōно Цүити, несколько сократив, а также исправив и дополнив ее за счет собранных им самим материалов. Это предполагало транскрибирование, перевод и объяснение смысла подавляющей части коллекции. Из 1279 составляющих ее сехоуэй Б. И. Панкратов отобрал 1050 (последняя переведенная им поговорка соответствует № 1065 коллекции Кōно Цүити) и снабдил их русскими транскрипциями и переводами; иногда он ограничивался транскрипцией и писал слово «есть» — это означает, что такая же или близкая поговорка была им уже переведена в числе 261 сехоуэй из альбомов. При переводе он не только пользовался пояснениями и примерами на употребление сехоуэй из «японской книги», но очень широко прибегал к устным консультациям у тех же Шу (см. перевод сехоуэй № 671) и особенно Цзиня (см. переводы сехоуэй №№ 45, 47, 55, 57, 85, 127, 129 согласно нумерации Б. И. Панкратова); вероятно, поэтому смысл ряда сехоуэй записан им по-китайски, хоть и при помощи русской транскрипции. Кроме того, в предвидении этой работы он поручил неизвестному нам знатоку сехоуэй дать собственные объяснения их смысла, и тот написал для Б. И. Панкратова «Пояснения» к 1278 поговоркам из собрания Кōно Цүити; их 1278, а не 1279, потому что писавший случайно пропустил № 347 из этого собрания, не дав объяснения его смыслу. Поскольку это были объяснения, часто отличавшиеся от примечаний Кōно Цүити, но комментировавшие тот же материал, анонимный автор назвал их «Переделанные (или: измененные) объяснения и мотивировки [употребления] шуточных речений (сенюэйюй)» — напомним, что «японская книга» называется «Исследование китайских шуточных речений (сенюэйюй)».

Некоторое число сехоуэй было издано и переведено китаеведами Европы и США до Б. И. Панкратова. Большинство (кроме А. Смита [см. 17] и Л. Войча [см. 22]) не видели в сехоуэй особого жанра народных речений [см. 3, с. 26].

Б. И. Панкратов хорошо знал эти работы; он передал мне содержащую много сехоуной книгу А. Смита со своими пометками (кстати сказать, приобретенную им 7.XI.1920 в Ханькоу) [см. 17], а также публикации К. Плоппера [см. 15], У. Скарборо и У. Аллана [см. 16], указал на наличие сехоуной в «Уроках мандаринского диалекта» К. У. Матийра [см. 14]. Его работа была большим шагом вперед в изучении сехоуной. В период между концом 1927-го и серединой 1935 г. Б. И. Панкратов предпринял первый по-настоящему масштабный перевод пекинских сехоуной с китайского на иностранный язык. Думаю, что эта работа до сих пор остается единственным в своем роде и непревзойденным переводом сехоуной первой четверти века. Хотя и в России, и на Западе были опубликованы с тех пор исследования сехоуной (одни из первых — мои — были вызваны к жизни работой над транскрипциями и переводами сехоуной Б. И. Панкратова) [см. 1; 2; 13; 3—7; 18; 19 и др.], издано было только одно крупное собрание сехоуной с переводами (1991), причем лишь в малой части совпадающее с собранием Б. И. Панкратова¹. Издание собраний сехоуной почти полностью оставалось в руках ученых Дальнего Востока, в первую очередь китайских (см. в особенности [10], а также библиографию в [15а, с. 309—318]).

В 1963—1964 г. А. С. Мартынов и я вчерне подготовили приблизительно 1/3 часть сехоуной, переведенных Б. И. Панкратовым на основе собрания Кёно Цуити, и снабдили их примечаниями, используя рукописные заготовки Б. И. Панкратова и его устные пояснения. Эта наша работа и составляет ядро настоящей публикации. Поскольку переводы, пояснения и толкования Б. И. Панкратова черновые, мы позволяли себе редактировать их в случае необходимости, переводить китайские слова, записанные им с помощью транскрипции, и т. п. В тех случаях, когда Б. И. Панкратов не проставлял номера тонов в пояснениях и транскрипции примеров, мы проставили их сами по «Большому китайско-русскому словарю». Мы также расположили сехоуной в последовательности, подсказанной нам их русской транскрипцией; поскольку у Б. И. Панкратова они расположены в той же последовательности, что у Кёно Цуити, мы дали публикуемым поговоркам новые номера. А. С. Мартынов подготовил №№ 57, 59, 61, 65, 68, 70, 108—126, 151—167, 177, 204—206, 208, 214, 224—229, 237—241, 243, 245—248, 254, 256—257, 259, 262, 267, 269—273, 276, 282, 293, 297—304, 311, 314—319, 326, 328—329, 360, 366, 379, 393, 395—396, 399; остальные подготовил я. Поясняя сехоуной и толкуя их смысл, я старался отделить собственные дополнения от текста Б. И. Панкратова с помощью слова «добавим», А. С. Мартынов этим приемом не пользовался. Принишу благодарность Л. Г. Казаковой и К. С. Яхонтову за полезные языковые консультации.

Ю. Л. Кроль

---

¹ В 60-е годы М. П. Прядохин говорил мне, что у него собрано довольно много сехоуной, но, сколько помню, меньше тысячи — что-то около 700—750 речений. В 1991 г. в США был издан «Китайско-английский словарь загадочных народных сравнений (сехоуной)» Дж. С. Рознау [см. 15а], включающий около 4000 речений, транскрибированных, переведенных и снабженных краткими пояснениями. Это издание не умаляет значения публикуемой работы Б. И. Панкратова. Сверка первых 100 публикуемых сехоуной со словарем Рознау выявила всего 11 случаев совпадения речений, в большинстве не полного. Этот поразительный результат, видимо, объясняется тем, что с 20-х гг. до второй половины века, когда Рознау собирал свои сехоуной, их состав очень изменился. Кроме того, в его собрании сравнительно мало непристойных, что, скорее всего, свидетельствует о пуристском подходе к отбору речений — вероятно, не столько самого Рознау, сколько его источников.